

# ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ!

## Программе Владимира МОЛЧАНОВА «До и после...» исполняется десять лет

Неделя, - 1997 - № 8 - с. 19

Вспомните вечер на советском телевидении. Заканчивался он тем, что где-то к половине двенадцатого телевидение нас всех дружно укладывало спать. Но в 87-м году, десять лет назад, в канун Женского дня телевизионный вечер вдруг затянулся аж за полночь, и на голубом экране впервые появился со своей программой Владимир Молчанов. Потом на экран прорвался «Взгляд», и пошло-поехало...

Сейчас нас уже сложно чем-то удивить. Но Молчанов был первым.

— Владимир Кириллович, скажите, зачем вам понадобилось нарушать режим дня советского гражданина, ведь, как известно, самый здоровый сон как раз до и после полуночи?

— Все было не так. Как раз в это время, около полуночи, люди усаживались на кухонках и начинали общаться... Что касается нашей передачи: закрыли утреннюю программу, которую мы делали с Майей Сидоровой. Приехали из ЦК, посмотрели и сказали, что такая программа советскому зрителю не нужна. Телевизионное начальство пожелало нас, мы все-таки несколько недель старались. И предложили: попробуйте что-нибудь на вечер сделать. Мы и сделали. Первая программа вышла абсолютным «дуриком» в ночь на 8-е марта. И кто-то первый выпуск назвал «Мы с ними где-то уже встречались». С кем встречались — непонятно. Меня вообще никто не знал, Майю, может быть, видели в новостях. А после этого уже пошло...

— А как возникло окончательное название?

— Никто не может вспомнить, кто дал такое название, по-моему, не я. Возможно, Олвар Каркучая, который долго был руководителем нашей программы. Возможно, мой крестный отец Леонид Петрович Кравченко, пригласивший меня на телевидение и с которым мы, увы, в 91-м году так грустно расстались...

— Поворот к вечерне-ночным программам входил тогда в новую политику телевидения?

— В 87-м году уже нужно было что-то делать, наступила эпоха Горбачева, а телевидение оставалось все таким же, каким оно было, за исключением телемостов Познера, где кто-то как бы общался якобы в прямом эфире. «До и после полуночи» стала не только первой ночной

программой, но и первой (за исключением «Времени») в прямом эфире. И первой по темам, которые вышли в эфир на советском телевидении, — эмиграция, диссидентство, злоупотребления в психиатрии и, конечно, вся эпоха сталинизма.

Сначала мы выходили в эфир утром по «Орбите» на Дальний Восток и показывали ничего не значащую программу, а все ударное оставляли на ночь; программа начиналась в полдвенадцатого ночи в субботу, когда на телевидении уже не было никого из начальства.

Масса было и смешного, и очень страшного. Прекрасно помню первого эмигранта в нашем эфире, его фамилия была Полонский. Он был эмигрантом первой волны, который в студии на мой вопрос, как же так все произошло, сказал: «Батенька, ну это же ваш Ленин во всем виноват». Алла Пугачева, встретив меня на следующий день в Останкино, сказала: «Я видела, как вы позеленели в эфире».

Каждый раз после программы был скандал, хотя все ее оценивали достаточно высоко, за исключением, скажем, Егора Кузьмича Лигачева, который в Останкино в моем присутствии произнес: «Вашу «Полуночь» надо закрыть как передачу контрреволюционную и антисоветскую». С другой стороны был Александр Николаевич Яковлев, явно поддерживающий программу. Ее любил Шеварднадзе. И мы нагло пользовались таким расположением.

— А каковы были взаимоотношения «До и после...» с цензурой?

— Беда начальства была, что оно не в силах было отсмотреть все, что мы делаем ночью. Мы-то еще были мягче, хотя затрагивали болезненные для власти темы. Но через полгода появился «Взгляд» и с первой или со второй передачи напрямую начал осуждать войну в Афганистане и все прочее. Но власти сами пошли на прямой эфир и вынуждены были это кушать.

— На ТВ было несколько типов ведущих. К примеру, «говорящая голова» — человек, читающий текст новостей. Были Сенкевич, Леонтьева, Масляков — привычные и родные, как соседи по коммуналке. И ты знал, чего от них можно ожидать, и они редко удивляли. Вы же выламывались из образа советского ведущего. Как руководство переварило ваш имидж?

— Нормально. начальству сам я нравился, хотя,



конечно, кого-то и раздражал — что подделал. Вы заговорили о ведущих, но они раньше и не были ведущими. Были дикторы. В конце 80-х произошел переход от дикторского к журналистскому телевидению. Журналисты начинали становиться ведущими. Далеко не у всех это получалось, и сейчас не у всех получается, потому что многие журналисты гораздо менее грамотно говорят, чем дикторы, но они журналисты, у них есть позиция.

— У вас тоже, наверное, были свои проколы?

— Да все десять лет что-нибудь, да случалось. Например, я стараюсь никогда не приглашать в студию людей, которых боготворю. Четыре года боялся пригласить Булата Окуджаву, песни которого знаю, наверное, все наизусть. Но вот решился — и был полный провал, самое мое неудачное интервью. Я так его люблю, что не знал, о чем с ним говорить. Но были и такие встречи, которые дороги и памяты. Уже столько людей ушло за эти десять лет — тех, которые побывали у нас в студии. Человек пятьсот прошло через нашу программу. Самым первым был Андрей Миронов, который пришел к нам в день своего рождения. Это было его последнее появление на ТВ. Мы открывали следующий год страницей памяти гостей нашей студии. Набралось одиннадцать человек.

— Недавно этот скорбный список пополнил Андрей Донатович Синявский, который тоже ведь был героем вашей программы...

— Он, по-моему, был у нас в 89-м году. К сожалению, тоже одно из провальных интервью, потому что его супруга Розанова не дала Андрею Донатовичу говорить, полагая, что он скажет какую-нибудь глупость, и почти в течение всей беседы говорила она одна.

— А какие годы были самыми тяжелыми?

— Девяносто первый год. Мы остались последними, все было закрыто, в том числе и «Взгляд», а нас все не закрывали. Я не мог понять — почему? Видим, кого-то надо было оставить. В это время я был политическим обозревателем Гостелерадио, и 13 января, в день вторжения в Вильнюс, я и мой выпускающий (тогда я вел программу «Время») положили партбилеты на стол, чего еще тогда никто не делал на ТВ. Я понимал, что теперь не имею права вести программу «Время». Но поторговался и оставил за собой «До и после полуночи». В группе тоже появилась какая-то смута — почему нам разрешают работать, а всех закрыли? Мы стали играть ва-банк. В студии появились Егор Яковлев и Элем Климов. Яковлев в прямом эфире сказал, что состоять в одном Союзе журналистов с Кравченко — позор для любого журналиста, и Кравченко, председатель Гостелерадио, не закрыл программу. Но нам становилось все тяжелее и тяжелее, и мне не хотелось работать на таком телевидении. Я сделал фильм «Забой», и мы разошлись.

— Все помнят ваш шумный уход с первого канала, а как вы оцениваете сегодняшнюю работу ОРТ?

— Я не оцениваю работу коллег вообще. Я сам являюсь наемной рабочей силой. Я не телевизионный критик. Могу говорить о том, что мне нравится, но никогда не говорю о том, что мне не нравится. Могу только добавить, что все 10 лет вместе со мной на «До и после...» работают музыкальный редактор Владимир Давиденко и директор, а теперь режиссер Раиса Малова.

— Хорошо, а телекомпания REN-TV вас устраивает?

— Раньше она меня устраивала гораздо больше. Был такой маленький уютный телевизионный домик. Теперь он стал большим домом, все больше напоминающим мне родное Останкино, куда я стараюсь вообще никогда не ездить. Это уже конвейер, а он портит человеческие отношения. Я всегда любил REN-TV за то, что там царил не телевизионная атмосфера, потому что атмосфера ТВ — самое ужасное, что я видел в своей жизни, это гораздо хуже атмосферы театра...

Елена АЛЕКСЕЕВА

Программу В. Молчанова «До и после...» вы можете увидеть на канале REN-TV еженедельно, по субботам, в 21.50.

молчанов Владимир Кириллович

29.